

Иван Мордвинкин

ПАСХАЛЬНАЯ РАДОСТЬ

И ЧТО-ТО ЕЩЁ

Иван Александрович Мордвинкин

Пасхальная радость и что-то еще

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738568

SelfPub; 2023

Аннотация

В Великий пост иногда странные вещи происходят. Снаружи выглядит не мудренее строгой диеты, а иной раз глядишь – отпостился сторонний человек, и Пасха у него. И не куличи, яички да прочая скорома, а настоящая Пасха, которую снаружи не особо-то и заметно. Но внутри, в сердце переворачивается все и открывается нечто для стороннего человека неожиданное.

Иван Мордвинкин

Пасхальная радость и что-то еще

В монастырских стенах среди случайного люда всякие встречаются: и неверующие, и маловерующие, и верующие, да сами не знающие во что. Но попадаются и такие, которых и не разглядеть, и которые подобны земле с посеянным в нее зерном. Что взойдет из этого духовного семени, знает только Господь.

Два резчика работали в мастерской при монастыре. Первый из них Игорь – мужик твердый и даже суровый иногда, но мастер редкого таланта. Второй – его помощник Сеня – веселый и простецкий паренек.

Игорь вырезал уже четвертый иконостас и приобрел неплохую репутацию среди настоятелей, продвигая свою мастерскую добротностью и надежностью исполнения.

На этот раз, правда, иконостас попался сложный, нестандартный, а монастырь далеко, почти за две тысячи километров. Посему выделили мастеру помещение прямо при монастыре, и пришлось Игорю ехать на место. Кто резал, тот знает, насколько на месте дело идет проще – и быстрее, и ошибок меньше. А то и вовсе без них.

Сеньку взял с собой – тот хоть и незнамо какой мастеров-

вой, но для грубой работы лобзиком да долотом вполне сойдется. Правда, сам Сеня к делу присматривался серьезнее, чем неопытные руки позволяли.

– Конечно! – посетовал он, когда дело дошло до стружки. – У тебя стамески вон какие, кованые, дедовские еще. Их наточишь, так хоть бороду брей. А у меня долото, много ли я таким инструментом наработаю?

– Много, – ответил Игорь без улыбки. – А наработаешь мало, так зачем приехал? Тебе для черновой работы зачем стамески хорошие?

Сенька обиделся. Да делать нечего, взялся за лобзик, чуть отмерил, чуть пильнул, да и отошел. А ведь верно, до хорошего инструмента еще дорасти надо.

Резали, впрочем, дружно – не первый год вместе, уж давно два друга, как две руки. «Дорезались» и до Великого поста, кои в монастырях бывают тяжким временем для светских животов.

– А я и попошусь, пожалуй, – решил Игорь. – Дело это полезное, да и укрепляет характер. Ну а ты... Можешь и не поститься.

– А чего это ты за меня решил? – возмутился Сеня. – Я не слабее тебя. Давай поспорим, что отпошусь до конца?

– Да брось ты, – отмахнулся Игорь: Сеню он знал давно, и его порывистость, легкость на подъем, и его детское непостоянство. – И недели не протерпишь. Спорим.

– А давай на стамески твои? – у Сени аж глаза заблестели

от азарта.

Игорь только усмехнулся:

– Давай! На стамески, так на стамески.

Поспорили.

Первая неделя поста далась трудно, она особенно тяжела и строга. В понедельник и вторник не ели вовсе, а только сидели на воде.

Сеня не роптал, а все ухмылялся, поглядывая на стамески и на Игоря, который в ответ только головою качал.

Но к среде Сеня уж пустился в рассуждения о том, что в его деле точный инструмент не так уж и важен, потом о вреде длительных воздержаний. Вспомнил о язве желудка, которой сильно страдал его дядя, а значит, и у него может открыться эта болезнь.

Игорь же все ухмылялся и показательно любовался стамесками, вертя их к свету возле окошка, сбривая волоски на руке и аккуратно перекладывая инструменты с места на место.

К концу первой седмицы резчики попривыкли к строгости «диеты», но шуток на эту тему уже не отпускали, чтоб не задевать больное. Впрочем, Игорь виду усталого и голодом измотанного не показывал, а вот с Сеней выходило иначе: в трапезной он из-за стола поднимался не спеша, заглядывал голодными глазами за поварскую раздачу и вздыхал. Но, чтоб не нарваться на недовольство товарища, молчал.

А еще через неделю приноровился он убежать к обеду

раньше Игоря, и что и сколько там ел, неизвестно. А потом и за ограду взялся ходить по монастырским поручениям.

А Игорь... Игорь только улыбался, тонко чуя на голодный нюх аромат полукопченой или масляный запахок чебурек-ков, доносящийся от его напарника по возвращении того из города. Улыбался и молчал, ибо сказали как-то на трапезе: «Неядущий, не осуждай ядущего».

Он и не осуждал.

К Благовещенью друзья обвыклись с монастырским укладом и даже прониклись неясным духом монастырской жизни.

– А монастырь-то непрост. А, брат Семеон? – в полушутку спросил как-то Игорь. – Что-то здесь такое есть, хоть с виду и не сказать.

– А что тут секретного? – удивился Сеня. – Люди обыкновенные, а правила простые. Сегодня, кстати, и вино полагается.

И к вечеру он достал пару жирных лещей и «двушку» пива, красиво накрыл верстак и радостно засуетился в поисках подходящих стаканов.

– Я спросил благословения, – на всякий случай пояснил он. – Сказали, что если немного, то можно хоть винца, хоть пивка. Ну я вот и взял пива, все ж с рыбкой-то? А?

Игорь аж просветлел, глядя на искреннюю радость товарища, его уютную праздничную суету.

– Да ты пей, брат, – отмахнулся он от угощения. – А я не

буду, не хочу с рельсов сойти раньше времени. Но за тебя порадуюсь.

И так уж до конца поста Игорь ни слова не сказал о еде. Такой человек был – взялся делать, так делай и молчи, а решишь бросить – так и бросишь молча. Чего болтать-то?

К страстной седмице работу завершили, а к Пасхе нарядили иконостас, и запел он резьбой, будто в хоре не хватало одного голоса, а они его добавили.

Засобирались было домой друзья, да незавершенное дело Игоря не пускало.

– Давай уж допустимся, чтоб не приучать себя к поблажкам? – предложил он. – А то так и будет за нами недоделанный пост потом волочиться, как хвост за змеей.

– Да какой у змеи хвост? – рассмеялся Сенька. – Моя «змея» поста и не заметила, я ж иногда... Я уж давно... Ладно. Эх.. Если хочешь, давай допустимся.

Пасхальная всенощная выдалась красивой, тут уж и Сеня залюбовался. Ночное богослуженье вообще выглядит необычно и таинственно. А уж пели как славно! Да и на иконостас свой мастера не без радости посмотрелись. А главное, монастырь открылся им, как неземное место какое-то. Игорь причастился даже.

К утру явились в келью, уставшие. Сеня завалился спать не раздеваясь, да скоро Игорь растолкал его на трапезу – разговляться.

К празднику настоятель о своей братии позаботился – за

два дня готовили. Тут тебе и уха чуть ли не тройная, и рыбное оливье – кто бы подумал, что такое бывает, и рулетики, и салатки, и котлетки, а с ними и палтусы, и лососи, и осетры. А уж куличей да яиц – ешь, хоть лопни.

Не сразу Сенька и заметил, уплетая за обе щеки, а еще больше глазами загребая, что друг его суровый обмяк да притих. Чуть съел рыбки, чуть картошечки, да яичко одно. И сидит, довольный и белый, но не кожей, а как-то иначе, будто фонарь проглотил. И вид такой таинственный и довольный показывает, словно миллион в лотерею выиграл, но не сказал еще никому, а сидит и наслаждается.

– Ты чего? – спросил Сеня, как только прожевал.

А тот только плечами пожал: ничего, мол.

В мастерской уж все собрано, вещи, инструменты, все по баулам. Пора бы и отчаливать, билеты на поезд прикуплены.

Присели на дорожку. Смотрит Сеня на Игоря, и все не поймет, что не так с ним, что за радость прет из него молча.

– Да чего ж ты, брат? – удивился он, невольно улыбаясь. –

Что-то ты утаиваешь от меня. Сознаться.

– Да ничего, – ответил Игорь. Глаза его заблестели, засветились, и вроде даже слезы навернулись – Сам не знаю, что-то... Сам не знаю, что, но что-то такое...

Он поднялся, раскрыл свою дорожную сумку, достал сверток.

– Вот, Сень, – протянул его Сене. Сверток известный – набор тех самых стамесок в кожаном чехле. – Держи. Пусть

тебе помогут.

– Да ты что, брат? – Сеня даже растерялся. – Я ж не смог, я ж «распостился» уже через неделю. Я и пивко попивал, и винцо. Да и вообще...

– Держи, держи. И, знаешь... Поезжай без меня, – он даже расстегнул молнию на куртке для подтверждения. – Я еще побуду.

– Что? Ты серьезно? – удивился Сеня. – Это же монастырь, чего тут сидеть-то? Он как черно-белый телевизор: одни монахи черные, да стены белые. Больше ничего.

– Нет... – задумчиво ответил Игорь. – Что-то здесь есть... Что-то такое... Сам не знаю. Что-то.

Друга своего знал Сеня, потому уговаривать не стал. Уехал.

А Игорь остался в мастерской, порядок навел, чаю заварил себе, встал у окна, смотрит, и правда – церковь белая, кельи белые, монастырская стена тоже белая. И монах молодой стоит на пустом дворе против церкви и молится, закрыв глаза. Думает, что его никто не видит. Худой, как деревце, и весь в черном. И что-то в этой потайной молитве увидел Игорь, что-то неясное, но огромное, как небо.

– Что-то здесь... – прошептал он сам себе, отошел от окна, присел на табуретку и оглядел мастерскую. Стены, верстаки, инструментов море, иконка Господа Вседержителя в углу. Встретился он с нею «взглядом» и вздрогнул: – Я понял!

Поднялся Игорь, закрыл глаза, как тот монах за окном, перекрестился и поклонился на икону.

«Не что-то здесь, а Кто-то. Неужели...» – он открыл глаза и всмотрелся в лик на иконе:

– Это Ты, Господи?

Сердце его будто вздрогнуло и неожиданно наполнилось такой пасхальной радостью, которая ведома лишь хорошенько удержавшим Великий пост. А пасхальная радость в монастыре, так это и вовсе состояние особое. Что-то в ней есть такое... Что-то огромное, как Небо. Или Кто-то.